

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

МЕДИЦИНСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

«Издательство АСТ»

Варнек Т.

Воспоминания сестры милосердия / Т. Варнек — «Издательство АСТ»,

Перед нами один из самых искренних и правдивых рассказов о Первой Мировой войне и страшных годах революции и гражданской войны. Их автор – Татьяна Варнек сразу после начала войны начинает работать сестрой милосердия во фронтовых госпиталях. Наступление в Галиции в 1914 году, тяжелые бои под Ригой в 1916, работа в госпиталях и военно-санитарных поездах... Грязь, смерть... зверства бандитов, все это придется пережить девушке из богатой дворянской семьи. А впереди – эмиграция.

© Варнек Т.

© Издательство АСТ

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

Часть первая На великой войне

Глава 1 В поисках себя

В мае 1912 года я окончила восьмой класс гимназии Л. Ст. Таганцевой. Из моего класса почти никто не думал идти на курсы. Я решила поступать в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств и с этим уехала в Москалевку (наше имение около Туапсе на Кавказе). Летом, переписываясь с подругами, я узнала, что многие собираются поступать в Кауфманскую общину¹ на курсы запасных сестер милосердия, особенно горячо увлеклась этой мыслью Аня Думитрашко, с которой мы были очень дружны. Она мне писала, что в жизни эти знания могут пригодиться, что летом в деревне при необходимости мы сможем сами оказывать помощь и т. п. Меня это тоже увлекло, и осенью мы, большая группа подруг, поступили в общину, одновременно я начала учиться в Обществе поощрения художеств. Всех слушательниц в общину поступило около четырехсот. При открытии кто-то из «думских» выступил с речью, говоря, что опыт японской войны показал, что нужны профессиональные сестры, а не волонтерки. Поэтому решено создать кадры запасных сестер, чтобы в случае войны не было необходимости в волонтерках. Лекции и практические занятия были каждый день. Программа очень большая. Строгости тоже. Нас по-кауфмански взяли в оборот, и за нами следили все время общинские сестры. Перед Рождеством были экзамены, устные и практические. Заниматься пришлось очень усиленно, особенно по практическим занятиям, – трудно было в очень короткий срок (по минутам) застелить кровать и заложить одеяло кауфманским углом. Дома у меня мы с Аней Думитрашко мучили бедного Женю (младшего брата), который добродушно подчинялся. Все же, при виде нас, он с отчаянием говорил: «Опять эта бинтовщица и бинтовщица». Мы его без конца бинтовали с головы до пят, поднимали, переносили. Пробовали проделать то же и с Петей, но он не давался. Ближе к экзаменам наша группа наняла одного из мальчиков, на котором вместе практиковались в общине. Отец одной из нас, проф. Вреден, дал нам в своей клинике палату, и там мы проходили всю программу. Мальчик наш (мы наняли одного из трех, с которыми вместе учились в общине) помогал и давал указания. Он все знал прекрасно. Экзамены были очень строгие, резали беспощадно, но наши гимназистки все сдали благополучно и даже хорошо. Самым страшным и трудным предметом была анатомия, и на этом экзамене провалились очень многие. Курс громадный, много времени уходило на его изучение, и готовить другие предметы было некогда, а их оказалось порядочно. Но мы все знали анатомию прекрасно по гимназии, где был тот же курс, что и в общине. Мы его сдавали на выпускном экзамене, так что нам надо было только слегка повторить его. Таким образом, у нас на другие предметы времени хватало. Все слушательницы курсов в общине были с гимназическим образованием, но наша гимназия, где преподавание

¹ Община имени генерал-адъютанта М.П. Кауфмана (1822–1902) выросла из образцово-поставленной школы ученых сиделок, открытой в 1902 г. Имела высокую профессиональную репутацию и отличалась строгими правилами. Работать в общине было в моде у представительниц всех слоев Петербургского общества. Председательницей и попечительницей была баронесса В.И. Икскуль фон Гиндельбранд.

каждого предмета велось шире, чем в других, обращала усиленное внимание на анатомию. На экзаменах провалилось больше половины учащихся, так что после Рождества на практику в больницу попало меньше двухсот человек.

В первые же дни многие не выдержали и ушли. Мы работали в ужасной городской Обуховской больнице, переполненной больными². Больница громадная и настолько старая, что, кажется, стены впитали в себя все запахи. Воздух был ужасный, беднота кругом; белье, одеяла – старые, все серое, никаких удобств, ничего нужного получить было нельзя, даже не хватало градусников, а злющая общинская сестра не спускала с нас глаз и все время цыкала.

Я попала в хирургическое отделение, где больше лежали хроники или, вернее, безнадежные. После первого дня работы, вернувшись домой, я без конца мылась, полоскалась одеколоном и не могла отделаться от ужасного больничного запаха. За столом ничего не могла есть.

Все же я продолжала работать. Как я уже сказала, в первые дни практики ушло несколько человек: условия тяжелые, а муштра была невероятная, замечания так и сыпались, и за самые пустяки. Мы терпели, сколько могли. Я проработала чуть больше месяца и бросила, а до диплома надо было работать до весны. Я, конечно, могла бы протянуть, но просто не захотела – диплом был мне не нужен, а из-за больницы приходилось пропускать занятия в Рисовальной школе, где я с увлечением занималась и думала пройти курс до конца. Я так уставала, бегая из больницы в школу, что не могла выезжать, а это был первый сезон с наилучшими балами и выездами. До окончания гимназии я еще почти не выезжала. Аня Думитрашко проработала еще немного после моего ухода и тоже ушла. У нас появилось свободное время, и мы с ней стали много ходить по музеям и выставкам. Часто катались на коньках, играли в теннис, веселились и о сестричестве забыли. Лето, как всегда, провела в Туапсе, и снова зима, учение в Рисовальной школе, выезды, веселье.

Весной 14-го года снова поехали в Москалевку, где всегда было так хорошо. Ходили на экскурсии, купались, катались на лодке, играли в теннис и немножко помогали в садах, главным образом по сбору фруктов. В мою обязанность входило еще обходить все розовые кусты и срезать розы: отцветшие в одну корзину, а в другую – для букетов, которые я же расставляла по всему дому.

Жили все беззаботно и не чувствовали приближающейся грозы. Почта приходила к нам всего три раза в неделю. Так что петербургские газеты в лучшем случае приходили на четвертый день. Получали и местную газету, но в ней известия были такие же старые. И вот, совершенно для нас неожиданно, на столбах и дубах вдоль шоссе появились расклеенные бумажки о мобилизации. Никто ничего понять не мог. Почему? Зачем? Стали гадать, папа читал в газетах о забастовках в Москве. Подумали, что из-за них. Как раз в этот день к нам на автомобиле приехали Вася и Ваня Черепенниковы (дальние соседи). Захватили Аню и меня к себе. По дороге мы волновались, спорили, стараясь угадать, в чем дело. (Ваню Черепенникова я видела в последний раз: в разгар революционных событий он был застрелен на их квартире в Петербурге во время обыска. Красноармейцы стали угрожать Ивану Васильевичу (отцу), Ваня бросился вперед, и его застрелили.)

Только через три дня после объявления мобилизации мы узнали, что это война. Я сейчас же решила работать сестрой, но очень боялась, что меня не возьмут, так как я была без диплома. Все же написала письмо старшей сестре общины Филипповой, спрашивая, что мне делать и могу ли я работать. Она сразу же мне ответила, и очень лаконично: «Приезжайте немедленно». Я быстро собралась и уехала. Это была середина августа.

Ехала довольно долго, так как прямых поездов уже не было, не было и плацкарт, но мне повезло: на пересадке в Ростове я попала в купе, где ехали трое молодых англичан и жена

² Сестры милосердия Кауфманской общины проходили практику в Обуховской больнице, пациентами которой были низы общества – нищие, бродяги, пьяницы.

одного из них. Они служили где-то на Кавказе и спешили обратно в Англию. Больше в нашей купе никто не сел, и мы прекрасно доехали до Петербурга. Англичанка и я имели по верхней полке, так что спали ночью прекрасно и могли раздеваться. Все мои спутники были очень милые люди, и мы, болтая, незаметно провели время. Распрощались в Петербурге около Николаевского вокзала. Дома я жила вдвоем с нашей старой кухаркой Настасьей. Вся наша семья приехала из Туапсе к началу занятий – к 1 сентября. На другой день после моего приезда я явилась в общину. Старшая сестра мне сказала, что мои экзамены и занятия зачтутся, но что я должна закончить практику. Меня послали в Александровскую больницу для рабочих, где уже работали волонтерки, которые после объявления войны поступили на ускоренные курсы сестер милосердия. Общинских и запасных сестер было так мало, что все общины открыли такие курсы. Без прохождения их начальник Красного Креста никого на работу не принимал.

Александровская больница была хорошо обставлена, очень чистая, и работать там было хорошо. Большинство сестер стремились на фронт: очень волновались, что не успеют, так как думали, что война скоро кончится.

В начале сентября оканчивала практику первая группа волонтерок. И вот, совершенно неожиданно, многие из них, человек двадцать, были приглашены на чай к баронессе Иксуль, попечительнице общины. Причем было сказано прийти в штатском платье (на работе мы носили форму: серые платья и большие четырехугольные кауфманские косынки, но без креста). На другой день после чая у баронессы некоторым из волонтерок было сказано, чтобы они в больницу больше не приходили, так как они сестрами милосердия быть не могут. Оказывается, этот прием был устроен баронессой, чтобы лучше рассмотреть, что собой представляют ее будущие сестры. Забраковала она тех девушек, которые были недостаточно скромно одеты и, вероятно, слишком развязны. Но такой «чай» больше не повторялся, так как о нем узнали все остальные.

Глава 2

Отъезд на фронт

Числа 19 сентября сорока шести сестрам, и мне в том числе, было приказано явиться в общину для получения креста. И нам дали или, вернее, разрешили нацепить крест, что мы тут же и сделали. После этого нам объявили, что 23-го мы уезжаем. Выдали каждой по сундуку, кожаную куртку, теплое ватное черное пальто и список вещей, которые мы должны взять с собой. Мне и пяти сестрам (четыре из них – волонтерки) сказали, что мы должны сшить себе настоящую общинскую форму, как сестры запаса, то есть черные платья и кокошники. Мы шестеро получили назначение в 1-й Подвижной кауфманский лазарет бакинских нефтепромышленников, стоящий в Галиции в Жолкиве, откуда перевелось несколько сестер, и нас послали их сменить. Остальные сорок волонтерок ехали с нами только до Киева, где они поступали в распоряжение главноуполномоченного Юго-Западного фронта для получения назначений в Военное ведомство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.